

18+

саг

АННА ЛИСОВСКАЯ

Анна Лисовская

Сад

«Издательские решения»

Лисовская А.

Сад / А. Лисовская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989065-8

Эта книга рассказывает о поисках бессмертия в разные времена. Третье тысячелетие до нашей эры. Храбрый воин Дишвар истово ищет бессмертие и не находит его. А в наше время героиня по имени Анна отправляется в путешествие в поисках ответов и приближается к разгадке. Эрех и Стамбул, горы и монастыри, божества и чудовища предстают перед нами. Свет и тьма, небо и подземелье, дух и материя, добро и зло раскрываются через сны и явь гранями октограммы и являются спутниками этих страниц.

ISBN 978-5-44-989065-8

© Лисовская А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сад

Анна Лисовская

А Где Бог, там никогда нет ошибки Ω

Иллюстратор Константин Логунов
Фотограф Константин Петрунин
Редактор Евгения Беянина
Корректор Анна Абрамова
Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Анна Лисовская, 2020
© Константин Логунов, иллюстрации, 2020
© Константин Петрунин, фотографии, 2020
© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-9065-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Для начала

Что ж! Начало – перед нами возникает густая тень человека, огромная загадочная фигура. Так приходит тайна. Свет встречается с силуэтом и освещает его в ночном лесу, тень падает на деревья, так и искания человека, пронесенные через тысячелетия, отсветом ложатся на последующую историю человечества. Человек мал, но он может быть источником света, отблеск которого пронесется через время и спустя много-много лет явит себя большим отпечатком на всем сущем. Настоящее встречает его, и мы отчетливо видим фигуру в мире наших мыслей. Вовне только холод и мрак, внутри же – содержание и свет, свет теплый и пронзительный. Нечто неизвестное проносится мимо нашего зрения, как дым, почти невидимый, но осязаемый всеми фибрами, шестым чувством, спиной и легкими. Мы его вдыхаем, и нас наполняет эта энергия, связь всего сущего с нашим первоначалом, с началом начал человечества. И мы будем наполняться от него и гулять с ним в наших сновидениях ночью, ибо это и есть наше все, что позволяет отбросить страхи и жить со светом внутри.

Я сижу на зеленой полянке на горе Витоша близ Софии. Ветер колышет ветки деревьев, и лес разговаривает, ведет со мной неспешную беседу. Луч солнца, первенец восхода, проходит сквозь мои волосы. Щебечут птицы, возвещая о новом дне, мои легкие, мое обоняние наполняются счастьем и светом, повсюду запах свежести и цветения. Этот сладкий и тонкий вкус захватывает меня, входит в мою голову. Маленькие цветы уже раскрылись на полянке, утро – лучшее время для цветов. Они тоже встречают новый день вдохновенно, чтобы прожить его с открытыми лепестками. Сейчас я расскажу историю, которую узнала. Если вы готовы прикоснуться к тайному, вас ждет увлекательное путешествие.

Мы переносимся на пять тысячелетий назад, нас снова окружают запахи и звуки, охватывает радость предвкушения. Что увидят наши глаза и что мы почувствуем, углубившись в неразгаданное, спрятанное временем? Наши сновидения – это то, что мы есть, и мы то, о чем не думаем, и живем в том, о чем не имеем представления. Пройдем же сквозь сон и явь.

Перед нами предстают стены города Эреха, города цвета золота. Откроем дверь времен и войдем в мир конца каменного века. Помните, что эта дверь имеет особую ценность. Вход в дверь тесную, сопровождаемый темными потоками тумана, есть возможность, малый проем для входа в смежную явность. Вероятность пополнить там ресурс, бросить объяснения в вопрошающие лакуны. Любые лекарства беспомощны, если вы готовы приблизиться к истине.

Бескрайняя степь окружает город, горы прилегают к ней. Приказал возвести крепкие стены для защиты жителей правитель этого города, бесстрашный, храбрый сердцем и твердый духом Дишвар. Нынче вечер, и сидит, опершись широкой спиной о прочную кирпичную стену, человек. Лицо его обращено к небесам, и он смотрит в бескрайний океан вверх. На желтое закатное небо, где слоями лежат облака розового и дымчатого цвета. Океану нет начала и нет конца. Словно кисть с краской опустили в чистую воду поднебесья, и понеслись по ней вихри, рассредоточиваясь и путешествуя. Он глядит ввысь, ведь каждый человек должен в первую очередь смотреть на небо. Там воплощение вселенского единства.

Небо венчает весь мир и объединяет людей на разных территориях и в разные времена. Небо – универсальное светлое начало для всех живущих. Пусть люди говорят на разных языках, ходят по дорогам в разных частях света, их тела испытывают разные температуры в разных климатах, а небо едино, и каждый может поднять голову и в этот момент чувствовать и думать, как любой другой человек в любой другой стране. Или даже в другом тысячелетии. Девушка может сказать своему любимому, который находится далеко: «Посмотри на небо, и я посмотрю на небо, и в этот момент мы объединимся». Погибающий родственник может сказать

потомку: «Смотри на небо, когда вспоминаешь меня, и мы будем вместе». Так время и пространство теряют свое главенство, небо едино для всех. Что может утешить лучше? На что еще опереться? Небо, только небо.

И человек устремляет взор все выше, наслаждаясь зрелищем, у которого нет меры, а есть только бесконечность. Так сидит он, и в мыслях покой и согласие. А редкие деревья шелестят листьями. Ему необходимо внимать их речам, ведь не будет его, а деревья продолжат свою жизнь. И появляются первые звезды, новые знаки жизни в этом бескрайнем просторе. Человек расправляет плечи и вдыхает воздух глубже – это храбрый и беспокойный правитель по имени Дишвар.

Все он увидит до края мира, суждено ему будет узнать моря и перейти высокие горы. Победит он много врагов, проникая тьму, узнает тайное и постигнет премудрость. И станет великим Дишваром, познав сущность вещей.

Построил он вначале город на земле между двух рек, что дарили жизнь, оградил близлежащие селенья одной стеной. Стеной из больших глиняных кирпичей, высушенных на солнце. И был возведен в том городе храм, уступы которого поднимались высоко кверху, и сиял он, белый, как свет. Прекрасный семиступенчатый зиккурат. Был этот храм великолепен и подобен молитве. Текст того обращения не из слов человеческих, но из глины, обожженной людьми. Храм был поставлен вершиной города, ступени его, вверх ведущие, легли слоями постижения. Не смогут позднейшие властители создать подобного города.

Правитель Дишвар был беспокоен нравом и силен телом. Пламенный красавец. Отважен правитель, перед противниками непреклонен, и в бою натиск его оружия не имеет равных. Днем и ночью буйствовало пылкое сердце правителя, потому как днем устраивал он сражения, а также заставлял и взрослых мужчин, и детей строить город, каждое утро призывая звуком горна на работу. По ночам же предавался страсти с многими девушками, вместо того чтобы быть их хранителем. Безудержные плотские удовольствия составляли его жизнь. Не было покоя горожанам от нрава Дишвара. Ни мужчинам, ни женщинам.

И увидел это бог – покровитель Эреха и возопил о правителе Дишваре. Обратился он к богине – создательнице людей, попросил сделать воина, мощью и бесстрашием под стать Дишвару, чтобы отдохнул город, пока они будут состязаться. Чтобы остались целыми жители Эреха, дочери – матерям, а сыны – на радость отцам. Богиня услышала эти речи и создала подобие героя в своем сердце. Затем отщипнула она кусок пластичной глины, плюнула на нее, и в степи оживотворила Резана. Одарила богиня его редкой отвагой и великой силой. Грудь его сделала широкой, дикому быку он подобен, в волосах все его тело. Был он нелюдим и не знал ни людей, ни мира. Жил как дикое существо в степи и гулял по горам. Приходил он на водопой со степным скотом и вместе с газелями ел траву и побеги.

Однажды увидел его охотник у реки и оцепенел от страха. Стал думать охотник, как устранить неведомое создание, что могло помешать звероловству. Рыл он ямы и ставил ловушки. Но дикарь в западню не попался. А когда вернулся охотник в свое поселение, пожаловался, что бродит по степи страшной силы то ли человек, то ли зверь, обходя все расставленные капканы, будто твердость скалы и гибкость лозы в нем соединяются. И других зверей то существо от охотника увести норовит, оберегая.

Собрались жители возле школы писцов и слушали рассказ охотника. Удивлялись новостям неожиданно явившегося. Вышел тогда вперед старый и мудрый житель города и дал людям совет. Победить того, кто из степи явился, можно с помощью женщины. Говорил мудрец, только женщина сможет ввести мужчину в искушение, чрез которое случается утрата прочности. Пусть женщина обольстит его своей красотой. Придет и скинет перед ним свои одежды, и будет измождать его своей страстью, тогда станет он после вкушения плоти обычным среди людей, всю свою несокрушимость утратив. Послушал охотник этот совет и ушел к правителю Дишвару просить отослать в степь блудницу.

Глава 2

Грехопадение

Озадачился Дишвар сообщением о дикаре и отправил с охотником в степь красивую распутную женщину. Преступный, зовущий аромат распространялся от ее тела, а глаза блестели пороком и хитростью. Шли охотник и блудница под палящим солнцем через иссохшую равнину и трудными горными тропами несколько дней, пока не пришли на место водооя, куда сходились звери. Там сели они в засаду, затаились и стали ждать появления силача. Всматриваясь, двое были нетерпеливы, желали скорее увидеть чужака, все тело которого, как у тура, покрыто густыми волосами. И день, и два сидели они перед водоемом. Только свет утра и тьма ночная сменяли друг друга, и разные звери приходили туда плескаться и пить воду.

И вот появился тот, кого ждали, вышел на берег он и лег на землю могучим торсом. Окунул он в воды пряди густой гривы, умыл лицо. Вышла в тот момент женщина из укрытия и распахнула перед ним одежды, обнажив свои гладкие груди. Взглянул на нее Резан и забыл, где родился. Ни о чем не думая, подступил он к блуднице, закружило его голову. Порыв страсти снес их на землю, лег мужчина на женщину и забылся. Шесть дней и семь ночей бодрствовал и познавал Резан блудницу, она открылась перед ним и внимала его ласкам с удовольствием, разделяла его дыхание и тяжесть его тела.

Ослабел дикарь, потратил всего себя на ласки. Когда же насытился и встал, не держали его ноги. Обратил взор к зверям степным, но стали избегать они его тела. И покинули его те, что росли с ним вместе. Принял это Резан, понял, что дальше ему придется жить как люди. Вернулся к женщине герой и сел у ее ног. В тот момент открылся его слух для ее слов, и стал он понимать и чувствовать то, чего не понимал и не чувствовал раньше. Ушла беспечность дикаря, осознал он свою плоть, что в землю возвратится, и стал смущаться наготы своей. Расширилось зрение его, и стал знать он добро и зло, как человек. Между тем грех пришел к Резану и блуднице, вошел через незнание, так как делали они все в страсти и не думая.

Позвала его женщина покинуть степные просторы и пойти вместе с ней в Эрах, огражденный стеной. Встал с земли дикарь, с пастушьего ложа, и послушно пошел за женщиной. Имя ее было Ада.

В это время Дишвар проснулся в тревоге и пришел к матери своей в покои, потому что сон увидел. Рассказал мудрой матери сновиденье, как шел он по улице огражденного стеной Эреха, и вдруг перед ним упал топор. Сбежался народ к тому топору и толпой обступил его. Был топор удивителен видом и Дишвару понравился, он поднял его и на бок повесил. Мать сон растолковала правителю, что идет в город тот, кто станет другом Дишвара. Это сильный товарищ, с которым любого врага одолеть можно. Обрадовался Дишвар этому толкованию, захотел обрести настоящего друга. Друга, который поймет его сердце и разделит с ним тяготы самого трудного пути.

Глава 3

Роман с человеком огня

Что ж, перенесу ненадолго вас, мои друзья, из далеких времен в современность, где живет Анна, взирающая спокойным взглядом карих глаз на равнину, на горы и вновь на равнину.

Наступило утро на Эльбрусе. Наконец стихла снежная буря, что бушевала всю ночь. Анна в эту ночь на горе нашла укрытие в акклиматизационном лагере для альпинистов, что располагался на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. На скале стояло пять округлых металлических вагончиков, называемых бочками, они были одним из немногих пристанищ человека на такой высоте.

Всю ночь буря хлестала по корпусам вагончиков, составлявших лагерь и приют человека. Анна почти не спала, она пряталась в спальнике под шерстяным одеялом. Из-за резкого подъема на высоту ее голову сводило болью, одолевало ощущение, будто перестаешь принадлежать себе, дыхание давалось тяжелее чем обычно. Ночью ветер исполнял хроматическую гамму, сильно проходясь по каждому звуку из высокого регистра к низкому. Извилистыми путями с разных сторон бил он шумными снежными струями по бочкам и проверял на прочность окно, рядом с которым, свернувшись клубком, лежала Анна. Деревянные нары, протянутые через весь вагончик, были удобны ей и другим путникам, которые обрели тут ночлег. Время ночи тянулось медленно, словно хотело двигаться назад, но через силу протяженно пересыпалось вперед. Десять минут были подобны целому часу, сердце колотилось в груди. Анна пыталась представить себя на мягкой кровати, дома, где покой. Она старалась найти удобное положение и все плотнее сворачивалась калачиком.

Девушка вспоминала теплый стамбульский день. Когда они с Андоком опустились на пригорке на траву парка Мачка. Ее белая длинная юбка укрыла пространство вокруг них. Голова Анны лежала на коленях Андока, девушка распустила волосы, и пряди ниспадали свободно. Его пальцы гладили ее волосы, тянули, расправляя, и легко отпускали, играя. Целовал он шею ее и водил по ней губами, оставляя сладость мужской щетины на коже. Их окружал зеленый орнамент листвы. Это был один из дней, когда остро чувствуется торжество жизни. Оно было в возбуждении двух людей, в зеленой растительности вокруг, в изгибах склонов, в запахах листьев и земли. Радость, кристальная радость жизни будто была положена на ладонь, а потом крепко зажата в кулаке. Жизнь была здесь, каждый из них держал ее прямо у себя в руках. Девушка и молодой человек могли ласкать друг друга или едва прикасаться руками, лежать на траве и видеть свет солнца, могли гулять по дорожкам парка, могли осязать весь прекрасный мир, который бросался им в глаза. Изливалась любовь свободная и увеличивала мировой океан радости. Бриз, долетавший с Босфора, сопровождал этот чудесный день.

Теперь она выглянула в окно, там протянулись горные просторы, владычество воздуха и камня. Буря утихла, и рассеялась мгла, сейчас все вокруг было кипенным, чистым. В этой ясности зарождалось поразительное. Красоту утра в горах тяжело описать, через зрение посещает чувство, что весь-превесь имеющийся кислород насыщает легкие в этот момент, и возникает ощущение полета над миром.

Было тихо. Девушка вышла из вагончика, зачерпнула снег в ладонь и растерла им щеки. Начинался новый день. Снег на лице и скалы под ногами дарили веселость. Она пошла по направлению к вагончику, служившему кухней для альпинистов. По склону девушка шла осторожно, ступая сначала на пятку, чтобы шипы от ботинок погружались в снег. Не было никого, она следовала все дальше, и шаги давались ей легко. Анна увидела белое поле посреди камней, застеленное снегом, место, где не было тропы и следа, оставленного человеком. Девушка зашла глубже, на середину нехоженой территории, ступая осторожно, чтобы не упасть

в расщелину, возможно, затаившуюся под покровом снега. Анна не могла удержаться и шагнула дальше: простор притягивал ее. И вот, она прошла далеко по ледяной корке и легла на снег. Ее взгляд был обращен к небу. Вдали небосвод окаймляли вершины гор. Что чувствовала она тогда, лежа навзничь? Быть может, чувствовала, как дух, выходя за пределы тесноты обыкновенного вместилища и стелясь по поверхности горы, становится одним целым со всем миром. Когда всеобъемлющее принимает частное и частное обретает покой.

В стороне на тропе появились идущие на восхождение альпинисты, они остановились на несколько мгновений для отдыха и смотрели на Анну, которая лежала в отдалении на белом поле снега. И они тоже чувствовали нечто, глядя на человека, покоящегося освобожденным от всего мирского в океане незакрепощенного пространства. Когда человек объят гармонией и вместе с тем пронизан истинностью. Это был гимн, гимн свету, гимн освобождению, гимн нематериальному началу и всеединству.

Анна встала. Прервалась связь индивидуальной души со всем миром. Отряхнувшись, она неспешно возвратилась к лагерю. Вагончик кухни был разрисован сполохами молний, выделялся яркостью из всех. Когда-то на горе обитал трейнрайтер, парень, рисовавший в мегаполисе на вагонах метро и электричках, и в качестве платы за проживание он разукрасил бочку, где размещалась походная кухня. Девушка зашла внутрь, за длинным столом сидела Марьям. Анна называла ее про себя богиней горы. Двадцать лет эта женщина поднималась на гору и жила по многу месяцев там, на высоте четырех тысяч метров, где не было ничего, кроме скал и небес. Она встречала альпинистов и готовила им пищу. Марьям знали, к ней шли, ее портреты рисовали. Овал лица, спадающие щедрые светлые кудри, вниз продлевался ее гордый балкарский нос. Она протянула Анне горячий чай, и гора стала уютнее для девушки.

Горная болезнь, мучавшая ночью, отступила, и теперь Анна ощущала сладкий вкус преодоления, осязала эту победу. Внутри, в пространстве грудной клетки, расположился невидимый оркестр. И он исполнял свой лучший, самый радостный и торжественный репертуар. Анна обратилась к богине горы и попросила рассказать ей историю о силе человеческого духа, потому как Марьям долго жила на горе и была свидетелем многих историй, слышала много рассказов. И та ответила: «Иди, моя девочка, а вечером возвращайся, я расскажу тебе историю. Это будет сказание про множество дорог, пройденных храбрым воином».

– А может быть, ты видела или слышала что-то о любви? Знаешь, о настоящей любви между людьми, безусловной?.. – распахнув глаза, спросила Анна с интонацией ребенка, предвкушающего интересную сказку.

– Тебе не надо о любви, – Марьям тепло посмотрела на Анну. Она как никто другой умела вот так одаривать пронизательным и добрым взглядом. – Я расскажу то, что имеет значение. Это будет история про поиски бессмертия.

Анна надела снаряжение, стряхнув слипшиеся комья снега, плотно зашнуровала ботинки и, хрустя по снеговому покрову, пошла прочь от лагеря.

Глава 4

Подготовка к схватке

Между тем Резан и Ада подошли к пастушьей деревне. Предваряя встречу с обществом человечим, Ада разорвала имевшуюся у нее ткань на два куска и одним обернула тело Резана. Вторым же лоскутом укрыла себе плечи. Женщина взяла его руку в свою и повела вперед к людям. Встретили их пастухи на улице и стали шептаться. Говорили, что похож пришлый на Дишвара, только ростом ниже и костью крепче. Съел хлеба Резан и выпил с пастухами сикеры, и развеселился. Он ощупал свое волосатое тело, и захотелось ему облика, подобного облику других мужчин. Омылся он оливковым маслом, оделся в одежду и стал как другие мужи. Начал жить Резан вместе с Адой в этой деревне. Ночами охранял селенье, сражаясь с волками и львами, пока пастухи мирно спали.

В то время Дишвар услышал весть о невероятно сильном мужчине, что живет с пастухами. Вздурораженный толкованием сна о друге, начал узнавать он имя того человека и просил привести его к себе. Подсказывало сердце правителю Эреха, что они должны объединиться. Узнал Резан, что его хочет видеть правитель огражденного великолепного города, и, простившись с Адой, отправился в путь. Рассудил, что удел человека – подчиняться высшему.

Когда вошел Резан в город, обступили его горожане. Был день, и кипела работа, мужчины носили корзины, груженные кирпичами из глины. Остановились и заговорили друг другу люди, что схож с Дишваром пришедший мужчина. Такой же статный и сильный, и читается в нем отвага. Поскольку роста и размаха плеч Резан был выдающихся, возрадовались жители, и понеслась весть по городу, что герой появился.

Вышел на улицу Дишвар, узнав о приходе Резана, пошел по дороге навстречу гостю. Встретились и посмотрели друг на друга мужчины, были крепки они оба, и искра соперничества в глазах каждого проскочила. Схватились они прямо на дороге, и стали драться, снося постройки. Долго они катались по земле и ударялись о стены, пока не изнемогли и не поняли, что каждый из них встретил достойного воина. Тогда остановились и стали смеяться, а потом ударили по рукам и дружбу заключили. Мать Дишвара их дружбу благословила, и появился у правителя Эреха товарищ, что из гор пришел и не имел до того момента ни отца, ни матери, ни друга. Обрел город двух героев на радость горожанам, и были во всем друзья созвучны.

В один вечер сидел Резан у ручья и был грустен, смотрел на выющую между камнями воду. Подошел к нему Дишвар, его грусть заметив, и спросил, почему тот печален. Поделился Резан гнетущим, сказал, что не может сидеть в Эрехе без дела. От этого тоска его, и силы ослабевают. Обнял Дишвар как брата родного Резана и сказал, что отправятся они в поход славный – сражаться с чудовищем в лесу. Будет это занятие полезно и Дишвару: буйство его успокоит. Есть далеко горы Ливана, густым и непроходимым лесом они покрыты, и живет в том лесу свирепый хищник. Чудовище человекообразно. Зверь дикий, огромный, на двух лапах ходит, кто его увидит, как вкопанный встанет. Зелена его грива, под цвет хвои ливанского кедра, светло-коричневый торс, словно смолистые шишки леса, темно-серые, чешуйчатые лапы, как кора деревьев. Взгляд же свирепый, пронзительный. Тому, кто в лес вступит, грудь когтями стремительно зверь раздирает. Предложил Дишвар другу убить чудовище, изгнать из мира и получить блестящую славу, свои имена увековечив. После вырубить вечнозеленый лес непроходимый. Покачал головой Резан на это и заметил, что знает он лес и жизнь животных, трудно будет проникнуть в середину чащи и сражаться с исполином диким в его обители. Бой будет неравным, потому как известно: обладает чудовище мистической силой. Говорили легенды, что тот житель лесной – великан, у него дыхание – пламя, и как ураган звучит его голос. Сказал Дишвар другу отринуть все человеческие страхи и сомнения, потому что хочет

он совершить славный подвиг – в лес войти и убить могучего зверя в его жилище. Сочтено время человека, дела его словно ветер. Незачем бояться смерти, когда нужно имя свое подвигом увековечить. Поведет вперед сила отваги.

Поручил Дишвар мастерам-оружейникам изготовить специальное оружие. Долго мастера голову ломали, а потом отлили большие секиры, топоры и кинжалы и тем друзей вооружили.

Отправился Дишвар к божеству оракулов перед дорогой, чтобы в будущее заглянуть. Вступил он на порог обители бога предсказаний, прошел в храм. И застал его, сидящего, борода дымная до полу, по одеждам пурпурным струится, раскинулось широко его одеяние. Дишвара божество приветствовало. Поклонился правитель Эреха богу предсказаний, спрашивает о будущем, просит поведать ему, как победить чудовище и чем закончится схватка. Закрыл бог веки, лик опустил, сквозь время смотрит. «Вижу, – отвечает, – дороги витые, заколдованные тропы в лесу необычном, крутятся они, заманивая в лабиринты идущих. Отвечу тебе, что будущее туманно, в путешествии этом положиться придется лишь на свою храбрость. Однако вижу я натиск чудовища, ты ему не противься, разумом и неустрашимостью его одолеть попытайся, пусть бросается зверь всей своей свирепостью в твои ладно расставленные ловушки».

Пошел Дишвар к своей матери в покои, к гордой и величественной «буйволице Эреха», как ее называли. Лучший советчик и первая провидица для сына. Сообщил ей Дишвар, что намерен идти походом, неведомыми путями и одолеть мистического зверя.

Тогда стали печальны глаза великой царицы, решила она совершить воскуренье, к богу – хранителю города обратиться, и ушла в глубь покоев. Омылась царица мыльным корнем, надела прекрасные и нарядные ритуальные одежды, чтоб пред божеством любимым предстать в восхитительном виде, лик ее гордый осияла тиара. Локоны вниз спадают красивее струй горного водопада, глаза ее глубоки и подобны чарующей ляпис-лазури. Подошла царица к высокому белоснежному храму, водой ступени окропила, взошла и руки воздела. Жертвенник воскурения обложен золотом чистым, из дерева ситтим изготовлен. Перед завесою расположен, за которой сокровенное. Приготовлены лампы, курится благовонное курение. Обратилась к духу – хранителю города, разведя кадьницу. Попросила оберегать своего беспокойного сына в походе. И была она печальна, и истово просила за Дишвара в пути заступиться. А вернувшись из храма, подозвала сына и Резана, медальоны им вручила, что придадут силы в дороге. И, шепча напутствия, отпустила их.

Созвал правитель старейшин и народ. Сказал, что идет он победить того, чье имя будоражит народы, и через это имя создать себе славу. Только головами старейшины покачали, рассудив, что молод и горяч сердцем Дишвар. Не ведает, на что идет, ведь известен хранитель леса тем, что сотрясает даже скалы. Но не слушал Дишвар старейшин, только усмехался, поскольку совершить поход твердо вознамерился. Попросил лишь перед дорогой благословить его и товарища. Старейшины Эреха его благословляли. И давали совет держаться Резана. «Жил Резан с дикими зверьми, – они говорили, – знает все лесные проходы, пусть проведет тебя через чашу». Так откроются же перед героями нехоженые тропы, те места, куда не осмеливался зайти человек до сего дня. Берегут пусть путников солнечный свет днем и звезды ночью. Пусть достигнут бесстрашные друзья своих желаний и возвратятся живыми с победой.

И пошли они в тяжелый путь, покинув долину, через ущелья, через реки перебирались, быстро огромные пространства преодолевая. На привалы останавливались и хлеб друг с другом делили, пока не вступили в таинственный густой лес – пристанище могучего зверя. Голубые и серебристые кедры вовлекли их в пучину своей хвои.

Глава 5

Прогулка с человеком эфира

Анна сидела на террасе и курила. Дым огибал открытые ставни окна и выходил наружу, слабо туманясь. Перед окном рос каштан, и взгляд Анны не всегда попадал на плоды каштана. В некоторые из дней она смотрела вперед, но не видела их прямо перед собой. Потому что там росли и другие деревья, и порой она видела только гроздь рябины или листья березы. Но не замечала шарообразных плодов каштана впереди. Хотя каштан всегда был там. И в те дни, когда ее взгляд встречался с плодами, она мысленно обращалась к ним: «Привет, вот и снова мы встретились». Это произносилось внутри, нежно, тихонько. А порой, даже вглядываясь, она не могла их рассмотреть.

Так и бывает в нашей жизни: смотрим прямо перед собой, но не видим того, что стоит перед нами. Позже, отмечая весной явления в жизни деревьев, Анна поймет, насколько она была ненаблюдательной.

Писатель Лев Толстой, размышляя о богословии, рассуждал о словах-инструкции в Библии «не противься злу». Соблюдение этого лаконичного правила позволяет человеку приблизиться к счастью. Слова те он не сразу распознал, даже много раз прочитав книгу. Он читал ее снова и снова и пытался толковать, но увидел и понял только спустя годы, и это было его *личное* озарение. «Не противься злему, – формулировал Толстой, – значит не противься злему никогда, то есть никогда не делай насилия, то есть такого поступка, который всегда противоположен любви». Открытие формулы поразило Толстого, потому что это было просто и также потому, что верное прочтение идеи всегда было перед ним, но оставалось незамеченным. Со многим не желает встретиться наш взгляд.

Позвонили из такси, сообщили, что машина приехала. Анна взяла рюкзак *american tourist*, который ранее был ее спутником в горах, и вышла из дома. Это странно, но перед ее путешествиями приезжал один и тот же таксист, чтобы везти девушку в аэропорт. В большом городе – один и тот же таксист. Это был приятный человек и хороший собеседник.

Он спросил, куда она держит путь теперь. Анна ехала в Стамбул. Таксист был знаком с местом и сказал, что это бескрайний город с богатой историей и многочисленными загадками. Возведенные там храмы были вначале христианскими, а потом становились мечетями мусульман. Мистика и тайны отразились во многих символах, которые можно там увидеть. Собор Святой Софии, что стоит в месте слияния бухты Золотой Рог и пролива Босфор, прекрасное и таинственное место. И вообще вот эта история, когда знаковые архитектурные объекты переходили из рук в руки, любопытна. «Мой дедушка, – сказал он, – был очень образованным человеком, читал много книг и знал разные языки, в том числе турецкий, и читал по-арабски. Дедушка рассказывал мне, что в книгах разных религий указаны схожие идеи, общие постулаты, вообще много общего. В Библии и в Коране, и в Торе многое едино».

Анна благодарила таксиста за рассказ, они подъезжали к турникетам аэропорта. «Спасибо, – сказала девушка, – вы всегда меня сопровождаете, и путешествия удаются. В прошлый раз, когда мы разговаривали, я записала в заметки ваше выражение „спать как пожарная лошадь“ – до последнего момента, крепко-крепко, всегда, когда возможно. С лошадьми связано много выражений, но такого я не слышала раньше». Таксист рассмеялся, очень приятно рассмеялся, и они простились.

В полете она думала об озарениях, о внутренних потрясениях человека, когда он общается с природой. Описанные в книгах пробуждение, обострение внутреннего чувствования, осознание взаимосвязи всего живого и включенности в общую Вселенную. Анна обратилась мыслями к тому моменту, когда она лежала навзничь на снежном покрове горы Эльбрус, глядя

в небо и на видневшуюся вдали корону горного хребта. (Накануне стегала метель, потоки ветра и снега неслись с немыслимой скоростью по горе). Ветер скользил по лицу. Струи воздуха и снежинки нежно касались носа и щек Анны, словно гладили ее. Очень неудобно стоять на горе, когда упругие потоки воздуха толкают тебя, встречая сопротивление тела. А в эти минуты ветер дул довольно сильно. Она же легла на наметенный настил, в снег. Развела руки широко в стороны. И замерла. Оказалось, что когда не служишь препятствием ветру, он, вместо того чтобы толкать и обжигать колючим снегом, овеивает свежестью, играет с тобой, как с дитятей, щекоча снежинками нос, забавляет и нежит.

Это было ранним утром, солнце еще не взошло, большой яркий диск быстро выкатывался из облака над седловиной горного хребта. Ночь накануне сопровождалась снежной бурей, которая стала полновластной хозяйкой на горе и спешила навести свои порядки: перестала работать канатная дорога, не было ничего видно на два метра вперед, сильнейший ветер тряс вагончики, где укрылись Анна и ее спутник Дильдар. И затем стихия отключила электричество на горе. Буря покрыла собою все, все обволокла белой колючей пеленой. Ветер хрустел и, словно листами плотного картона, бил по цилиндрическим вагончикам-бочкам. Анна и Дильдар спрятались в одном из вагончиков, оставшись в темноте без обогрева электрической печки. В аскетичном лагере были только они вдвоем, два человека на большой высоте над уровнем моря. У них была одна свеча и восемь одеял на двоих.

Под свист ветра, преодолевая холод, на разных сторонах деревянного настила, служившего кроватью, каждый из этих людей думал о другом, мечтал прижаться к теплому телу, утунуть в объятьях. Ветер стегал напропалую, со звуком огромного выбиваемого одеяла, и потом снова метель хрупала, словно разламывая листы картона. Они же мечтали друг о друге, вместе в мыслях, отдельно физически. На время удалось забыться, путники погрузились в сон. Ночью Анна проснулась, и было очень светло, пространство бочки освещала свечка, она стойко держалась уже много часов, не оставляя путешественников во мгле. Но светло было не только от свечи – за окном тоже. Девушка удивилась. Быть может, это свет от фонаря на канатной дороге? Может быть, починили нарушенное бурей, и теперь есть электричество? Она вскочила с настила и побежала через холод шелкать выключателем, но все бездействовало, значит, свет был не электрический. Анна завернулась в куртку, на ощупь зашнуровала ботинки и, отвернув железную щеколду, вышла из вагончика. Ветер бросился ей в лицо, девушка быстро отвернулась. И замерла. Луна ярчайшим светом освещала гору. Свет был особенный, странный, потусторонний, неправдоподобно яркий. Цветом сливок залито было пространство, в той молочности сквозь ночь виднелось зависшее над горой лентикулярное облако в форме широкополой шляпы. Это довольно редкое явление, его создают стремительные потоки воздуха. Недвижимое, на том же месте, облако провисело всю ночь и встретило день.

Вернувшись в вагончик, Анна улыбнулась – это были счастье и нега, и таинство. Теплый свет свечи, свет огня, свет луны, так много теплого света, делающего ночь прекрасной. Люди на горе были словно в капсуле из этого теплого света, посреди свободного пространства, одни, но не одиноки, а заключены меж заботливых ладоней мироздания. Точно так же, как с осторожностью и трепетом путник, смыкая пальцы, черпает воду из горной реки близ водопада, на миг задерживая дыхание. Вселенная нежила забывшихся, ничего не знающих людей, то отпускает в прозрачную тонкую сферу, то прижимает к груди. Что может быть уютнее, чем прикинуться к ней в тонких клубах, в лучезарных слоях сущности, в системе систем? Дильдар, прикосновения которого она познает, равно и он познает ее, шелковистый художник, утонченный, легкий (касания едва осязаемые, словно ласковые поглаживания ветра), был рядом с ней. Высшее и всеобъемлющее вокруг и организм человека внутри. Анна изумилась, поняв свое тело как мощный генератор тепла. Он грел энергией ближайший слой, в котором холод снега на горе и лед в бутылке на настиле вагончика. Живущий греет собой близкое к нему окружающее. В этом читалось предназначение человека в подлунном мире.

Когда путники вступили в новый яркий день, блистающий отраженным в снегу солнцем и горной основой, высоко в небе над впадиной склона парила птица. Светлая птица с прозрачными, невесомыми, бесплотными крыльями, сквозь которые просвечивали чистейшие слои воздуха и рассеянная жемчужной пудрой среда.

Словно то был дух, нематериальная тонкая субстанция горы, воспарившая из глубин ее груди, чтобы поприветствовать людей. Точно духовный надфизический взор первоначальной природы Эльбруса, взирающего на все сущее сверху. И этот взгляд, полный надмирной любви, ловит на себе человек. Как приятно встретиться с этим взглядом! Путник провожает его, растворяющегося в небесах, и восторг наполняет наблюдателя.

Купами света проносясь мимо, оставил дух отпечаток в сердце, не касаясь, достиг, украсил его напоминанием о том, что нет очевидного, что горизонт существования дальше, шире и чудеснее. Сердце человека ликует от встречи, ликует от подарка, ликует от соприкосновения с тайной.

Глава 6

Сражение

Между тем вернемся мы к храбрым друзьям Дишвару и Резану. Накануне, во время привала, обратился Дишвар к горе, попросил даровать виденье, и был ему ночью сон, что встретил его. Рассказал Дишвар другу своему сон непонятный: «Видел я, друг мой, пугающие потоки, словно смерть лилась сверху. Страшный гром сотрясал всю землю, сполохи молний врезались в небо, грозowymi тучами оно набухло, и горело внутри неба темное пламя. И упала внезапно рядом гора, развеялся утес, как пепел». Резан разъяснил другу сон его: «Словно гром крики чудовища, что кроется в чаше. Сон же значит победу над монстром с зеленою гривой, точно так, как этот утес, враг будет повержен».

И продолжили герои свой путь, приободрившись, предвкушая победу. Вступили они в лесные владения зверя. И в молоке тумана, продетом меж стволов деревьев, увязли. Белая неизвестность, белое ничто, пелена, завеса. Не утрашили они, в лес глубже входят. В плотном тумане они заблудились, долго кружили, сквозь его полотно продираясь. Молоко так плотно было, что протягивали друзья вперед руки, но не раздвинуть пелену. То, что в ней скрывается, неизвестно и пугающе. Они идут навстречу туману, а он ступает навстречу им. Огибают героев млечные струи, тонким дымом расходятся прочь по сторонам. По левую руку в клубы завиваясь, по правую руку рисуя узоры смерти. Словно зло и мучения вниз нисходят, а добро наверху молчаливо ожидает возрождения. Утомились путники, на большой темный камень присели, склонил Дишвар голову к коленям, опустил Резан лоб, оперев на оружие, задремали друзья и один сон видят.

Будто на поляну они выходят, и предстает их взору дерево. Пусто то место, лишь дерево посредине. Две голые высохшие ветви воздеты к небу, ствол плющом овит, корни его глубоко в землю уходят. И представшая их взору картина знаком для друзей явилась. Этот образ соединил жизнь и смерть, показал их общность. Уходят в небо безжизненные изломы ветвей, в стволе еще есть жизнь, живой лианой ствол укутан, и живой корень дерева, что держится в земле крепко. Видят друзья всю картину, небо, откуда жизнь, потом мертвые ветви, между началом и концом ствол, соседствующий с лианой, и закрепляет все корень, который будет жить и держать дерево еще долго. Не стоит бояться смерти – глядя на это, друзья разумеют.

Дальше во сне путники взирают на небо, и вначале оно выглядит как обычно, плотный темный небосвод с розовой подложкой и редкие звезды. Нет больше тумана, ночь беззвучна. Вдруг, в одно мгновение, будто перехватывает у обоих дыхание, звук из груди пытается выйти, но не может, ибо они начинают видеть совсем другое небо. Получают они возможность глядеть сквозь небо. До того момента было оно непроницаемым и вдруг стало видимым во всей глубине своей. Ощущение приходит, похожее на глубокий быстрый вдох открытым ртом, что влечет охлаждение горла и предельное наполнение легких. Затем следует видение. Видят всю многослойность, все круги и диски, и центры, и видимые и невидимые скопления, и то, что за ними, многообразие объектов, которым не знает человек названия, и неизвестную материю, и вещество, и его истечение, видят, ведь все прозрачно. И тем приближаются к осознанию истины, открываются глаза друзей, чувствуют мужи, что соединяются они со всем сущим через свою собственную бесконечность. Идеальное единство раскрывается перед ними. Глядя с трепетом в безбрежную ясность, в себя они вмещают прекрасное сверхсодержание и соединяются со всемирным целым. Пробудились друзья – более не встревожены. Не страшит их туман, перед ними волны его расступаются. Нет больше в них страха, нет разобщенности.

Из молока туманного выступило чудовище, огромных размеров зверь двинулся к друзьям. С ним магические духи, воплощенные в семь лучей сияния, помощники колдовского

чудовища в схватке. Разбежались по траве лучи, заняли позиции. Крик чудовища содрогнул деревья, дикий крик, что к соперникам обращен. Восстал против друзей лес, сплотились деревья, чудовище к ним на задних лапах подступает, грива его переливается светом, подзывает лучи, подзывает растения. Шепчутся друзья, меж собой обсуждают, что поразят сперва зверя, а его прислужников позже. Боевой топор поднял Дишвар и ринулся в бой. Отбросил свой страх, применил обман в движениях и со всей мощью поразил чудовище в затылок. Резан друга поддержал, соперника с силой в грудь ударил. Сопротивлялось чудовище, бились друзья без удержу. Нанес Дишвар третий удар, и смерть пришла зверю. Легло чудовище на покров из травы и нежных утренних цветочков, сникло его тело, больше тех цветов он не увидит. Сраженный навзничь лежит, стонут деревья. Сетью друзья ловили лучи, все семь. Запутавшихся в сети палицей убивали, одного за другим каждого из семи истребили. А когда остановились, вытерли вспотевшие лбы, тишина в лесистых вершинах установилась. Застряла тишина, лес на победителей взирает. Огляделись друзья, принялись изничтожать деревья, те, что чудовище хранило. Заходили боевые топоры в страшной рубке. Сделал дело Дишвар, топор на пояс повесил. Возвысил себя победитель. Со смехом он смотрит на горы, голову воздел гордо: всех разбил он, блеснул оружием, триумфатор в чужом жилище. Насадил на копье голову зверя сокрушитель – так перервалась ниточка, связующая чудовище и деревья. Снял Дишвар с себя грязную рваную одежду, омыл тело в ручье. Накинул победитель плащ, увенчал голову тиарой, ноги твердо вдевает в горную дорогу.

Увидела эту победу богиня войны и распри, возжелала сокрушителя себе в мужья. Спустилась пред Дишваром на землю, обратилась к нему с речью. Быть супругом ему предложила и блага сулила. «Дам запрячь для тебя колесницу из золота и лазурита, с рогами, что из сплава серебра и золота, впрягу в нее бури. Большие колеса будут торжественно гроыхать, плащ твой станет развеваться победно. Возвещу о величии жениха моего, что плод мне подарит. Усажен ты будешь в почетное кресло в башне, что в городских воротах. Будут целовать твои ноги нищие, и цари преклонят пред тобой колени, принося дары со всех земель», – соблазнила его богиня, заклинала, многократно моля быть с ней. Стенала она семью голосами, в блуд вовлекая, тянула ветрами за края одежды.

Почувствовал недоброе правитель Дишвар, в сердце у него заскребло. Не будет трепета любви в том союзе, а лишь жадность страсти, укореняющая порок. «Тем нарушится воля Мира. Соединение двух хорошо, когда свободно и умножает общую радость, пополняет чистый источник. Чувствую, не воспарим мы, но упадем наземь», – отвечает.

Также случай Дишвар богине напомнил, что известен ему и ходил легендой. Богиня войны возжелала садовника, украшавшего стол ее гроздьями фиников. Обнажилась перед ним и на семь ладов многими голосами уговаривала его с ней темной страсти предаться. Но ответил садовник непреклонной, применив иносказанье, что не ел он того, чего мать его не пекла, и не может нынче есть хлеб прегрешений и скверны, равно как не смогут лохмотья укрыть от стужи. Рассердилась богиня, в паука садовника превратила, поселила посреди паутины.

Ответил Дишвар богине так. Разъярилась богиня, поднялась на небо и отправила небесного чудо-быка, чтобы затоптал он Дишвара.

Явился бык пред друзьями мгновенно, содрогнулась земля от его дыханья. Переливаются сине-золотым рога из лазуритовой массы, взор его грозен, и глаза горят рубинами. Он понесся вперед стремительно, торс его золотом сверкает. Не испугались и здесь друзья, ибо сердца их кипели отвагой. Быстро сговорились, что один за хвост быка того ухватит, а второй его меж рогов поразит кинжалом. Развернул Резан быка круто, схватил за хвост крепко. Дишвар же между головой и шеей вонзил кинжал свой. Лежит небесный бык поверженный. Одолев быка, обнялись друзья и отправились в Эрах. Взирают на них с уважением простолюдины. Гордо подняв головы, победителями герои в город вернулись. Пили вино друзья и веселились, праздновали лихую победу, достигнув своих желаний.

Глава 7

Смерть

Боги между тем на них разгневались, встретились, чтоб вердикт друзьям вынести. Увидели, что, совершая подвиги, творили войны злодеяния, жизнь у чудовища отняли, живые деревья рубили. Взирают сверху божества, совещаются. «Вошли друзья в кедровый лес, – мыслят, – вошли в дом невиноватого. И в азарте своем, в себялюбии, на схватку решились, творя зло бессмысленно. Стонало чудовище, стонали деревья, земля и небо в тот момент плакали. Поступили друзья опрометчиво, ни о чем, кроме славы своей, не подумали. Стереть нужно их имена, написать другие».

Донесся тот совет богов до друзей через сны. Пробуждаются в тревоге, друг на друга смотрят, сон обсуждают и изумляются. Не подумали они о зле совершаемом, а только о том, чтобы имена их озарились славой. В новом свете дела открылись героям, плач всего убитого услышали, поглотила их тьма среди ясного беззаботного утра. Не могут они больше солнцу радоваться, не для них, встречая новый день, цветы распускаются. Согнула их тоска великая, кости ломит, во тьму увлекает. Не лелеет их больше мир, отвергает их мироздание, отныне не блаженные дети они в объятьях матери.

Совещались еще великие боги, смерть Резану решили назначить, сохранить жизнь Дишвару. Донеслось до друзей решение богов, смерть постигнет Резана за то, что мировое зло умножил. Пал, словно осенний лист, на грудь друга Резан, обливаются воины слезами. Закрыв глаза Резан, рассвет он слышит, видит закрытыми глазами мистический лес, бескрайний ковер из крон. По-новому перед ним лес предстает. Красота в нем тиха, невинна. Стонет в бессилии Дишвар, упал на землю. «Зачем вместо брата меня оправдали? – плачет товарищ. – Никогда не увижу я брата любимого». Садятся рядом они, припоминают, что совершили, и тоска их одолевает. Не изменят свое слово боги.

Поднял голову Резан – хочет мести, сыплет проклятия. Проклинает он и охотника, и блудницу, что в Эрех его привели, просит для них страшной доли. Откликаются небеса, но возражают: доброго товарища Дишвара подарила ему судьба чрез охотника, и возлюбленную Аду проклинать за что же? Растерян Резан. Уже другого им желает в отчаянии – любви и лазури, и злата.

Ночью боль в тело Резана проникает, лежит он на ложе своем одиноко. Видит сон: стоит он в темной ночи, перед ним человек с ликом мрачным. Птице бури подобен, с перепончатыми крыльями он и орлиными когтями. На плечи Резану он вспрыгнул, бороться с ним бесполезно. Длинными когтями впился в плоть несчастного, подхватил воина и понес над землю. И разверзлась земля. И бросил он Резана в обитель мрака, туда, откуда не выйти, туда, где живые лишаются света. Одеждою крыльев живущие там покрыты, на засов дверь в ту обитель закрыта. Видел Резан в месте том правителей великих, что при жизни вершили судьбы и землями владели, живут там верховные жрецы, живут младшие жрецы, живут юродивые, жрица – писец земли стоит на коленях перед земли царицей, таблицу судеб перед собой держит и читает. Вдруг вскинула лицо дева-писец, врезалась в Резана страшным взглядом бездны и, взметнув простертую руку к нему, восклицает: «Смерть уже взяла того человека!»

Вошел Дишвар в покои к товарищу, делится с ним Резан сном, и горестное предчувствие друзей одолевает. Тоска, великая тоска вокруг разливается. Скорбит Дишвар по тому, кто прошел с ним все трудности.

И вот сбывается сон. И день, и два, и три, и четыре, и пять лежит Резан, не вставая, и шесть, и семь, и восемь, и девять, и десять, недуг тело его пожирает. После еще два дня лежал на ложе своем Резан, мучимый болью, и в ночь умер.

Пришел к любимому товарищу Дишвар, смерти его не поверил, сел и рядом сидит. Долго не предавал тело любимого друга могиле, вел душевные разговоры с другом так, что прислужники от ужаса холодели. И день, и ночь сидел возле постели, и так несколько дней, пока черви не стали точить тело Резана. Тогда очнулся Дишвар – его друг не слышит больше! Лежит перед ним холодное тело, пустая плоть.

Выбежал Дишвар на центральную улицу Эреха, скорбью гонимый. Сочтены дни человека! Смерть пускается по следу каждого, чтобы бросить оземь наши кости! Плакали по Резану народ и дикие звери, плакали уступы лесистых гор и бурные реки. Понял Дишвар, как смерть разливается. Ложной была тропа славы, не вела она к бессмертию. Страх, жгучий страх его сердце поразил, осознание смертности проникло в думы. И метался Дишвар и назад, и вперед, и волосы рвал на себе в отчаянии. Город вокруг покрылся пеплом скорби.

Созвал Дишвар кузнецов и скульпторов, повелел другу памятник воздвигнуть, какого еще не было. Открыл правитель сокровищницу, приказал тем брать драгоценных камней и металлов для работы довольно. Чтобы образ друга в величественном памятнике нашел отражение. Оплакивать Резана также велел народу Эреха.

Затем снял Дишвар богатые одежды, надел из грубого сукна рубаху, устремился Дишвар в пустыню, бежал все дальше и дальше, волосы на себе рвал и сбивал в кровь ноги. Думы его точат: был друг у него, его облаченье и оружие рядом. Недавно они сидели здесь, у ручья, шли той дорожкой, а больше нет Резана. И самого Дишвара постигнет судьба человека!

Из сонмища дум восстает явственнее прочих мысль о смертности. И затем начинает владеть правителем безраздельно. Ужас, леденящий ужас объял его от мысли о неотвратимости смерти. Вот был его друг и внезапно умер, молодым, полным сил. Не видеть мертвому сияния солнца. Был человек, нет его больше, так внезапно, так скоро! Неотступность смерти схватывает морозом сердце правителя. Так же как приближается смерть, так и растет желание избежать ее. Хочет видеть солнце Дишвар, насытиться его светом, темнота страшит героя.

Предтечей размышлений горьких было не только лишь стенание об утрате, что делает душу тоньше, но и гордыня человека. Опускает та гордыня прямо в землю. Не хотел Дишвар смириться с тем, что смерть неподвластна воле человека. Объял правителя страх, словно обнес дух частоколом. Страх тот разрушает, парализует, через него силы тьмы входят в душу. Поражены ядовитым гадом были самые недра, заключил страх его дух в темницу.

И надумал Дишвар попытаться найти бессмертие. Бессмертие – это жажда, бессмертие есть надежда. Человек всегда хочет больше, а жажда жизни в нем бескрайняя, как океан неба. Желание жить – безумно. Решил отправиться Дишвар на поиски бессмертия, надеясь вернуть к жизни павшего друга и самому избежать доли человека.

Едва рассвело, покинул Дишвар Эрах, начал путь по пустыне. Пошел вперед он, себя не помня, страх повел его. Долго скитался герой, большие пространства минуя. Достиг гор с двумя вершинами, между которыми рождается утреннее солнце. исполинские те горы – первые свидетели восхода и заката солнца. Громады гор достигают небес. Охраняют вход к ним древние люди, тела которых панцирями покрыты. Хитиновый щит их головогруды закрывает. Вместо рук клешни тот народ имеет, чтоб добычу захватывать, у ртов их клешни, и по бокам тела много пар щипцов, когтями вооруженных, шевелятся. Скорпионам те люди подобны, хвосты над ними возвышаются, чтоб противника жалить. Окружают народ живые зарницы, что волшебным сияньем вокруг все освещают, словно змеи, кишат зарницы вокруг людей-скорпионов. Вид охранников тех суров и страшен, перебирают клешнями, блистают сиянием. Проход через гору, на которую опирается небосвод, выводит за край обитаемого мира. Пройдя внутрь, может путник достичь места, где человек еще не был.

Увидел тех страшных людей Дишвар, лицом стал мрачен. К храбрости своей обратился, подошел к ним ближе. Почему идет он путем далеким, спрашивают стражи, к нему обращаясь,

дальше не пропускают. «Достиг ты особого места, человек, – вещают. – Никого далее живым мы не пропустим. Дверь через гору стережем днем и ночью, не обойти смертным наше войско».

Предстал правитель перед старшим стражем, о смерти друга своего поведал. Рассказал, как умер тот, с кем славные подвиги совершали.

– Много дней над ним я плакал, не предавая могиле, но не поднялся друг на мой голос.

– Всего лишь постигла твоего товарища судьба человека, – отвечал охранник.

– Теперь мысли за мной следуют неотступно, – продолжал правитель, – от них спасаюсь я бегством в пустыню, нет мне покоя более на свете, весь мой смысл теперь в этих дорогах. Дай пройти к бессмертному Рашиду, что был принят в собрание богов и живет у волшебного сада, спрошу я его о жизни и смерти. Выжил тот мудрец после страшного потопа, знает он больше, чем все живущие.

– Темен ты, правитель Эреха, – покачал хвостом членистоногий охранник. – Не ходил этой тропой ни один из живущих, однако намерение твое дверь открывает. Кто ищет истину, да приблизится к полам ее одежд. И послушай теперь, – вещает охранник, – неизвестно, может ли этот путь одолеть смертный. Дальше простирается мрак, двенадцать дней ты будешь окутан им, тело твое и глаза твои будут объаты густой темнотой. В одиночестве пройдешь ты до таинственных ворот, что открываются с восходом солнца и закрываются с закатом, и, войдя туда, не скажу, сможешь ли вернуться обратно. Своевольное божество опаляет огнем любого, кто откроет ту дверь. Войдешь ли ты и сможешь ли покинуть то место, я не знаю.

– Вперед пойду я, чего бы мне это ни стоило, – Дишвар отвечает, – ведь тоска в моей плоти утвердилась, сердце не находит покоя. Страж, открой мне горные ворота.

Пожелал ему тогда страж, чтобы путь непростой был пройден, чтоб миновал правитель горы и моря за ними и вернулся обратно благополучно. Смотрел на Дишвара он печально, произнося напутствие. Навалились люди-скорпионы на засов массивный, заскрипел он, поддаваясь, возвестил о том, что открыты горные ворота для Дишвара.

Глава 8

Антилюбовь

Анна сомкнула глаза и увидела «Анти-любовь», а потом открыла глаза и все равно видела образ антилюбви. Это явление собралось воедино, разные его фрагменты и отголоски возникли вместе и явились пред ней отлитыми в конкретные обличье и чувство. Половая нелюбовь была грязна и уродлива. Грязь – это самое первое, что определялось. Когда все идет не от чистого начала, не от истинной светлой радости, но люди все равно в постели вместе, по сторонам расходится грязь. Такое соитие никого не спасет и на миг не способно принести успокоения сердцу. И сейчас оно превратилось в грязные простыни. Этот образ возникал перед ней каждый раз, когда она сталкивалась с любовью мужчины и женщины, которая не была любовью, когда что-то самое важное не так, самое важное, что должно толкать людей в объятия друг друга, что-то самое человеческое. Когда же люди просто хотят забыться, не быть одни, или хотят злого веселья, или темная похоть их толкает, а не восторженность друг другом и тонкие приятные чувства по поводу другого, то возникают они, грязные простыни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.